

Ю. ЛАУЧЮТЕ

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БАЛТИЗМОВ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Лексикология привлекает внимание исследователей не только с сугубо лингвистической точки зрения, но и возможностью при помощи изучения лексики проникнуть в те глубины истории народа, его социальной и культурной жизни, которые скрыты от современного наблюдателя длинной вереницей столетий. Заимствованная лексика в этом плане представляет особый интерес, ибо в ней отражена не только „внутренняя“ жизнь народа, но и внешняя — связь, контакты с соседними племенами, народами. Изучение тематики заимствований помогает определить те области материальной и духовной жизни, в которых один народ испытывал наиболее сильное влияние со стороны другого, а также причины языкового (и неязыкового) заимствования.

Очень часто языковые заимствования объясняют разницей в культурном уровне контактирующих народов¹, однако такой односторонний подход явно не соответствует действительности². Например, едва ли можно объяснить более высоким культурным уровнем тюркских народов наличие многочисленных тюркизмов в болгарском или в русском языке. Такой подход мало пригоден и для выяснения характера и причин балто-славянских языковых контактов в плане заимствований. Долгое время принимались во внимание только многочисленные заимствования из славянских языков в балтийские, а влияние балтийских языков на славянские или вообще отрицалось³, или сводилось к двум—трем десяткам слов, заимствованных преимущественно в белорусский язык или в польские говоры в окружении литовского

¹ A. Brückner, *Cywilizacja i język*, Warszawa, 1901; И. И. Огиенко, *Иноземные элементы в русском языке*, Киев, 1915, 38; Л. Хакулинен, *Развитие и структура финского языка*, II, *Лексикология и синтаксис*, Москва, 1955, 42 и др.

² Более подробно о лингвистических и экстралингвистических причинах заимствований см.: A. Stender-Petersen, *Slawisch-Germanisches Lehnwortkunde*, Göteborg, 1927; Ch. Møller, *Zur Methodik der Fremdwortkunde*, — *Acta Jutlandica* V (1933) 81 16—25; А. Доза, *История французского языка*, II, Москва, 1961, 135—136 и др.

³ A. Brückner, *ук. соч.*, стр. 19.

языка⁴. Поэтому в литературе по данному вопросу часто встречались высказывания, искажающие действительную картину культурных взаимоотношений Литвы и Руси⁵, а также недооценивающие уровень развития в прошлом литовского⁶ и других балтийских народов вообще.

Можно было бы обойти стороной подобные высказывания как устаревшие, несоответствующие современному состоянию изучения балто-славянских контактов. Однако в одной из последних работ О. Н. Трубачева имеют место высказывания, созвучные с приведенными выше, например: „Отличие славянской материальной культуры, довольно точно отраженное языком, терминологией состоит в относительно более высоком уровне культуры, в том числе обработки дерева у славян, сравнительно с балтами. Достаточно сказать, что, например, латыши были вынуждены заимствовать у немцев название такого важного орудия, как тесло — лтш. *slimests*“⁷. Обратимся еще раз, вслед за О. Н. Трубачевым, к лексике, связанной с обработкой дерева, и рассмотрим те слова, которые были заимствованы из балтийских языков в славянские. Эту часть лексики можно разделить на несколько подгрупп:

а) первичная обработка дерева; инструменты:

деготь (польск., блр., русск, укр., др.-чешск., слвцк.) ← лит. *degùtas* „деготь“;

склют/шклюд „тесло“ (польск., блр., русск., укр.) ← лит. *skliùtas* „тесло, тесак“;

ведекга „секира для изготовления корыт“ (польск., блр. — в памятниках письменности) ← лит. *vedegà* то же;

скулт „плотничный инструмент“ (польск., блр. — в памятниках письменности) ← лит. *skùltas* то же;

кошшена „инструмент для обработки дерева“ (польск., блр. — в памятниках письменности) ← лит. *kaišėnà*;

б) наименования людей, занимающихся обработкой дерева:

дойлид „плотник“ (польск., блр., ст.-укр.) ← лит. *dailidė* то же;

ратодаила „каретник, колесник“ (польск., блр. — в памятниках письменности) ← лит. *ratadaila* то же;

---

⁴ И. И. Огиенко, ук. соч., стр. 38; Е. Ф. Карский, К вопросу о влиянии литовского и латышского языков на белорусское наречие, — РФВ XLIX (1903 и др.) 1–23.

⁵ И. И. Огиенко, там же.

⁶ G. I. Kiprianow, Die russische Civilisation in Litauen vor Gedimin, 1875. Цитируется по работе: E. Wolter, Lituanismen der russisch-litauischen Rechtsprache, — Mitteilungen der Litauischen litterarischen Gesellschaft, IV (1894) I 60.

⁷ О. Н. Трубачев, Ремесленная терминология в славянских языках, Москва, 1966, 167.

скултадаила „плотник“ (польск., блр. — в памятниках письменности) ← лит. *skùltadaila* то же.

Если принять предположение Ю. В. Откупщикова о балтийском происхождении др.-русск. *ремесъ, *ремесь > церк.-слав. *ремесство* ← лит. *remėsas*, лтш. *remesis*⁸, то эта группа балтизмов пополнилась бы еще одной очень важной лексемой.

К терминологии обработки дерева можно также отнести и названия деревянных предметов домашнего обихода, такие как *ковиш* „(деревянный) черпак“ (польск., блр., русск., укр.) ← лит. *káušas* „черпак, половник“, *жлукто* „бочка для замачивания белья“ (польск., блр., русск., укр.) ← лит. *žluktas* „стирка; белье, приготовленное для стирки“, *клуба*, *клумп* „деревянная обувь; обувь на деревянной подошве“ (польск., блр., русск.) ← лит. *klumpė* то же; *реду* „носилки для воды“ (польск. диал.) ← лит. *pėdė* „подпора“ и мн. др. Сюда же относятся и многочисленные названия деревянных построек и их частей, например: *евня* „овин“ (польск., блр., русск., укр.) ← лит. *jáuja* „овин, рига“; *клубня* „рига, гумно“ (польск., блр., русск., укр.) ← лит. *kluðnas* то же; *свирон* „амбар“ (польск., блр., русск., ст.-укр.) ← лит. *sviðnas* „клеть, амбар“; *шуло* „деревянный столб в постройке“ (польск., блр., русск., укр.) ← лит. *šùlas* „клепка, столб“; *пуня* „сенной сарай“ (польск., блр., русск.) ← лит. *pūnė* то же и мн. др.

Приведенные примеры даны для того, чтобы показать, что трактовка заимствованной лексики лишь как результат разницы в уровне материальной культуры контактирующих народов, является, как нам кажется, принципиально неверной. Судить о культурном уровне народов и племен в ранний исторический и, тем более, в доисторический период их жизни только по одним языковым данным и, в частности, по заимствованиям, нужно очень и очень осторожно, постоянно проверяя лингвистический материал данными истории, археологии, этнографии и других общественных наук. Что же касается балтийской и славянской материальной культуры до XII—XIII вв. н. э., то археология, например, не располагает какими-нибудь точными доказательствами о преимуществе одной культуры над другой. Более того, археология отмечает, что даже в VII—VIII вв. н. э. трудно отличить памятники славянской культуры от памятников балтийской культуры⁹, или что, например, уровень обработки черных металлов в Латвии в X—XII вв. н. э. соответствовал их

⁸ Ю. В. Откупщиков, Из истории балто-славянских лексических отношений, — *Baltistica* VII (1971) 123—128.

⁹ И. И. Ляпушкин, Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VII—первая половина IX в.), — *Материалы и исследования по археологии СССР*, № 152, Ленинград, 1968.

уровню в древней Руси¹⁰. А ведь балто-славянские контакты начались задолго до II тысячелетия н. э., и языковые заимствования происходили в тесной зависимости от внешних и внутренних условий жизни балтийских и славянских народов. Как и в какой степени экстралингвистические факторы отражаются в заимствованной лексике, можно проиллюстрировать на материале славянских балтизмов.

Термин „славянские балтизмы“ объединяет лексику балтийского происхождения (преимущественно литуанизмы, реже — латышизмы и несколько слов из прусского языка), заимствованную в польский, белорусский, русский и украинский языки (2—3 слова отмечены и в чешском языке). Некоторые балтизмы встречаются в диалектах всех указанных славянских языков, например: *алес* „болото, трясина“, *вентерь* „рыболовная снасть“, *гирса/дирса* „сорняк в хлебе“, *кульша* „бедро“, *кумняк* „окорок“, *паршук/парсюк* „поросенок, кабан“, *пелька* „болото“, *путра* „поило для телят“, *стирта/скирд(а)* „стог сена или хлебов“, *яндова/ендова* „большая кастрюля; кружка“, *яйтарь* и др. Однако большее количество балтизмов встречается лишь в одном славянском языке, а в других не засвидетельствовано. Поэтому некоторые тематические группы, выделенные на основе всех известных балтизмов, в отдельных языках могут быть отражены по-разному. Например, среди балтизмов белорусского и польского языков большую группу составляет бытовая лексика, но такие слова редко встречаются среди балтизмов русского языка; и наоборот: в русских диалектах (особенно на территории Литовской ССР) довольно многочисленна группа социальной лексики, которая почти полностью отсутствует в современных говорах польского и белорусского языков (хотя социальная лексика балтийского происхождения очень широко представлена в памятниках письменности этих языков). Однако, несмотря на подобного рода частичные расхождения, наиболее характерные тематические группы заимствованных балтийских слов в той или иной степени отражены в каждом из исследуемых славянских языков.

Кроме того, надо отметить, что само распределение балтизмов по тематическим группам связано с некоторыми трудностями, среди которых, в первую очередь, следует выделить трудности семантического характера:

1) частичное или полное расхождение значения заимствованного слова со значением исходного балтийского слова, например: лит. *indauja* „посудный шкаф“ → русск. *ендова/яндова* „кружка; кастрюля; колдобина“, лит. *valanda* „час“ → русск., блр. *валанда, валында* „лентяй, бездельник“, лит.

¹⁰ А. К. Бирон, В. В. Дорошенко, Советская историография Латвии. Рига, 1970, 44—45.

Švitrigáila (имя собственное) → польск. *świdrigał* „авантюрист, вертопрах“ и т. д.;

2) многозначность заимствованного слова, из-за которой слово может быть отнесено к разным тематическим группам; ср. русск. *баланда* — растение (лебеда) и кушанье (← лит. *balánda* „лебеда“), блр. *жлукта* — название предмета быта и экспрессивное, отрицательное наименование человека (пьяница) (← лит. *žluktas* значение см. выше) и др.

Из-за данных семантических разногласий между заимствуемым и заимствованным словами создается некоторое несоответствие между исходной областью заимствования и той областью жизни, в которую слово попадает в результате заимствования. Но подобного рода случаи довольно редки, и на общую картину тематического распределения балтизмов они не оказывают сколь-нибудь значительного влияния.

В работах, посвященных исследованию балтизмов в одном славянском языке (в белорусском и польском) или диалекте отмечался лишь тот факт, что лексика балтийского происхождения отражает материальную жизнь, повседневный быт народа и, кроме того, богата словами экспрессивного (преимущественного — отрицательного) характера¹¹. Однако изучение более широкого материала показывает, что среди славянских балтизмов имеются весьма многочисленные группы социальной лексики, географической терминологии, а также менее значительные группы терминов родства, культурных понятий, лексики, отражающей народные обычаи, поверья, фольклор, явления природы и др. Какие факторы способствовали формированию именно такой тематической направленности заимствований из балтийских языков в славянские?

I. Экономические и социальные условия жизни балтийских и славянских народов (племен).

Для иллюстрации данного положения можно обратиться к лексике, заимствованной во времена существования Великого Княжества Литовского, когда происходил исключительно интенсивный обмен лексикой с обеих сторон. Среди балтизмов значительное место занимает лексика, отражающая государственный строй и феодальные отношения старой Литвы, ср. ст.-блр., ст.-польск., ст.-укр. *дзякло* „старинная подать хлебом“, ст.-блр., ст.-польск., ст.-укр. *мезлева* „подать за коров“, ст.-блр., ст.-польск. *торпостай* „свидетель“, ст.-польск. *ławnikayc(is)* „чиновник суда“, ст.-блр. *пентиники*

¹¹ Е. Ф. Карский, ук. соч., 23; Лексічныя балтызмы ў беларускай мове (Матэрыялы для абмеркавання), Мінск, 1969, 4—5, 7, 13—14, 33, 3; J. Otrębski, *Lituanizmy słownikowe w dialekcie polskim na Wileńszczyźnie*, — *Język polski XVI (1931)* 84.

„дань от секиры“ и т.д. Такого рода лексика отсутствует среди балтизмов более позднего времени, когда литовцы и латыши попали под власть царской России. Отношения советской эпохи, в условиях полного равноправия народов, отражены в таких узко-локальных русских балтизмах (на территории Литовской ССР), как *вальдиба* „правление колхоза“, *тарибос* „совет (орган власти)“ и т.д.

Особенности конкретной эпохи отражены и в группе бытовой лексики. Обособленное крестьянское хозяйство способствовало заимствованию названий многочисленных хозяйственных построек. Так, кроме приведенных выше (*клуня*, *свирон* и т.д.), в говорах и в памятниках белорусской и польской письменности встречаются еще следующие наименования: русск., польск. *пашура* „навес для сена“, блр., ст.-польск., ст.-укр. *прымен* „сени“, блр., польск., укр. *садиба* „усадыба“, блр. *проворок* „предбанник“, ст.-блр., ст.-польск. *клоим* „рига, гумно“, *пиркоита* „избушка“, *пиртикя* „баня“, *шалина* „сеновал“, *ном* „дом“ и мн. др. Сейчас эта лексика относится, в основном, к числу архаизмов (не только в славянских, но отчасти и в литовском языке), также, как, соответственно, и обозначаемые ею предметы отходят в область этнографических древностей.

II. Пути воздействия балтийских языков на славянские.

Этот фактор действует в неразрывной связи с определенным временем языковых контактов и конкретными условиями жизни интересующих нас народов. В эпоху отсутствия письменности возможен только один путь языковых заимствований: через разговорную речь. При таких обстоятельствах обычно заимствуются понятия, обозначающие явления, предметы или первостепенной важности в повседневной жизни (например, название предметов домашнего обихода, кушаний, терминов земледелия, животноводства), или какой-то своей особенностью характерные только для носителей языка — источника заимствования и тем, возможно, поразившие воображение носителей заимствующего языка (ср. так называемые экзотизмы, экспрессивную лексику и т. д.) — именно тот тематический набор лексики, который мы определяем для славянских балтизмов.

Появление письменности в Литве (и в Латвии) совпало с потерей государственной самостоятельности (в Латвии это произошло раньше) и с политической зависимостью от славянских государств, и поэтому балтийские языки продолжали оказывать влияние на славянские тоже, в основном, через устную речь. Только в наши дни славянские диалекты на территории Литовской и Латвийской ССР стали испытывать воздействие этих языков и через печать, радио, школы. Это отразилось на расширении тематики за-

имствований. Например, среди узко локальных русских балтизмов позднейшей поры появляются слова из области просвещения: *патайса* „переэкзаменовка“, *пайшиба* „рисование“, *вакарас* „вечер отдыха“ и др.

III. Сфера употребления заимствованных слов.

Имеется в виду тот факт в истории балто-славянских контактов, когда во времена существования Великого Княжества Литовского на территории этого княжества велась деловая письменность на старо-белорусском и старо-польском языках. В этих памятниках письменности обнаружено довольно большое количество слов, заимствованных из литовского языка¹². Некоторые из них отмечены и в современных славянских диалектах, но имеются такие лексические группы, которые характерны только для памятников письменности именно из-за специфики данной сферы употребления слов. Так как вся эта письменность является преимущественно юридической, в ней наиболее полно отражены названия всякого рода податей, барщины (например, *дзякло*, *вядомы*, *мезлева*, *подуи*; *łaża*, *baudziawa*, *kunigysta* и т.д. — всего 25 наименований), из которых в говорах в качестве архаизмов сохранились *дзякло* (блр.) и *бонда* „земля, выделяемая наемному работнику в качестве оплаты“ (польск., блр.).

В памятниках письменности очень широко представлена и географическая терминология, которая играла немаловажную роль в междоусобных судебных тяжбах феодалов и крестьян из-за земли: в памятниках письменности засвидетельствовано 68 географических терминов, а в говорах — 23. В этой письменности также часто встречаются термины веса, длины, объема, например, ст.-блр., ст.-польск. *кгемпар* „мера льняной или шерстяной пряжи“, *кетвиртайня*, *соикт*, *сек* — меры сыпучих тел, *пура*, *свор* — меры веса, *страинн'* — мера длины поля и мн. др., из которых в говорах белорусского, польского и русского языков засвидетельствовано лишь слово *пур(а)*.

С другой стороны, в памятниках письменности почти полностью отсутствуют экспрессивные слова и глаголы, а в говорах они составляют значительный слой балтизмов (ср., например, 2 глагола в пам. письменности и около 100 — в говорах). Значительно реже, чем в говорах, в пам. письменности встречаются названия пищи, одежды, обуви, животный мир представлен лишь 5 названиями (в говорах — 35).

В результате сравнения лексики балтийского происхождения в этих двух сферах употребления можно отметить, что в привлекаемых к исследо-

¹² E. Wolter, *Lituanismen der russisch-litauischen Rechtsprache*, — *Mitteilungen der Litauischen litterarischen Gesellschaft* IV (1894) I 49—61; K. Jablonskis, *Lietuviški žodžiai senosios Lietuvos raštinių kalboje*, I, Kaunas, 1941; А. П. Непокупный, *Литуанизми в лексичі українських пам'яток*, — *Мовознавство* VI 1970 30—40.

ванию памятниках письменности лучше отражено **общее** устройство материальной и социальной жизни балтийских и славянских народов, а в говорах, в разговорной речи более подробное отражение получили разные **конкретные** детали их жизни.

IV. Географическое расположение контактирующих народов.

Отдаленность балтов от важнейших торговых путей и культурных центров Средиземноморья стали одной из главных причин обособленного и своеобразного строя их материальной жизни и духовной культуры, о чем, в частности, свидетельствует тот факт, что балты почти дольше всех в Европе сохранили язычество. И если славяне в виду своего географического расположения стали для балтов основным посредником при распространении культуры Средиземноморья и Центральной Европы, то балты могли передавать своим соседям (в первую очередь — славянским и прибалтийско-финским племенам), в основном, явления, предметы и их языковое обозначение только своей, своими силами созданной культуры. Об этом свидетельствует исконно балтийское происхождение подавляющего большинства славянских (и финских) балтизмов, чего нельзя сказать, например, о германских или славянских заимствованиях в балтийских языках. Имея в виду географическое расположение балтов и славян, уже заранее можно исключить наличие в славянских языках сколь-нибудь значительного слоя лексики религиозного содержания или терминов торговли балтийского происхождения — т.е. всей той лексики, значительную часть которой сами славяне заимствовали у своих южных и западных соседей и распространяли дальше, на север.

Приведенный выше анализ тематических особенностей славянских балтизмов позволяет выделить следующие основные моменты в этой области балто-славянских контактов:

1. Из балтийских языков в славянские заимствовалась, в первую очередь, лексика, отражающая материальную жизнь, повседневный быт балтийских и славянских народов (преимущественно крестьян), но этим тематика балтизмов не ограничивается.

2. До сих пор не учитывались такие тематические группы балтизмов, как социальная лексика, географическая терминология, лексика, отражающая народные обычаи, фольклор, термины родства, явления природы и др.

3. Тематика балтизмов обусловлена не только и не столько культурным уровнем контактирующих народов, но и еще целым рядом причин, из которых наиболее важными являются следующие:

а) политические, социальные и экономические условия жизни балтийских и славянских народов;

- б) пути воздействия балтийских языков на славянские;
- в) сфера употребления заимствованных слов;
- г) географическое расположение балтийских и славянских народов.

4. Балтизмы в славянских языках отражают преимущественно исконно-балтийскую культуру, о чем свидетельствует исконно-балтийское происхождение большинства заимствованных слов.

TEMATINĖS BALTIZMŲ YPATYBĖS SLAVŲ KALBOSE

Reziumė

Šiame straipsnyje aptariamos baltiškų skolinių slavų kalbose tematinės ypatybės ir aiškinamos priežastys, lėmusios šių ypatybių formavimąsi. Priešingai tradicinei nuomonei, universalios (ir beveik vienintelės) priežastimi laikančiai nevienodą santykiaujančių tautų kultūrinį lygį, nurodomos kelios kitos priežastys, paveikusios baltizmų slavų kalbose tematiką:

- a) politinės, socialinės ir ekonominės baltų ir slavų tautų gyvenimo sąlygos;
- b) keliai, kuriais plito baltų kalbų įtaka slavų kalboms;
- c) skolinių vartojimo sfera;
- d) baltų ir slavų tautų geografinis išsidėstymas.

Atkreipiamas dėmesys į tai, kad slavų kalbos skolinosi žodžius, atspindinčius beveik vien tik baltišką kultūrą: didžioji baltizmų dalis — grynai baltiški žodžiai, o į baltus per germanų ar slavų kalbas pateko daug sąvokų, atspindinčių romaniškosios arba arabiškosios kultūros elementus.

SMULKMENOS

XVI

A. Jakulis ir J. Kazlauskas teigia, kad veiksmažodžių būsimąjo laiko I. pl. galūnė *-sime*, pvz., *dūosime*, yra fonetiškai išriedėjusi iš *-sme* dėl priebalsių, ypač *s*, suminkštėjimo prieš priešakinės eilės balsį *e* ir paties to balsio nukritimo, žr. A. Jakulis, *Baltistica*, II (1), 1966, 63 tt., J. Kazlauskas, *Lietuvių kalbos istorinė gramatika*, Vilnius, 1968, 369. Betgi, taip aiškinant, išleidžiamas iš akių faktas, jog žemaičiai turi ne galūnę *-sme*, bet *-sma* (suminkštėjimas neįmanomas!), be to, didelėje jų ploto dalyje (vakaruose, viduryje ir šiaurėje) netgi prieš *e* daugelis priebalsių, tarp kurių ir *s*, *m*, iki šių dienų išliko nesuminkštėję (taigi, ir *-sme* netūtų virtusi *-sim!*), tačiau galūnė *-sim* turima ir žemaičių tarmėje, neišskiriant nė nurodytos jų ploto dalies.